

На пути к праву устойчивого развития: концептуально-методологические аспекты

© 2008. А.Д. Урсул

Российская академия государственной службы при Президенте РФ

Анализируется проблема формирования права устойчивого развития как нового этапа правосознания, соответствующего устойчивому будущему третьего тысячелетия, основное внимание уделяется методологическим и концептуальным аспектам.

The problem of forming the right for the steady development as a new legal awareness stage corresponding with stable future of the third millennium is analyzed. Special attention is paid to methodological and conceptual aspects.

Согласно решениям Всемирного саммита по устойчивому развитию, состоявшегося в 2002 г. в Йоханнесбурге, в период с декабря 2005 г. по 2014 г. начинается переход мирового сообщества к устойчивому развитию (УР). Каждая страна, в соответствии с Планом выполнения решений этого саммита, должна на национальном уровне «содействовать достижению устойчивого развития посредством, в частности, принятия и обеспечения соблюдения чётких и эффективных законов в поддержку устойчивого развития», а также осуществлять другие меры по укреплению институциональной базы УР [1, с.186].

Такой переход возможен только в том случае, если он обретёт международно-глобальный характер, ибо переход к УР в принципе невозможен в одной отдельно взятой стране либо какой-то их группе. Глобальный характер перехода к новой цивилизационной парадигме требует формирования новых международных отношений, которые руководствовались бы новыми нормами и принципами, составляющими новую систему (форму) права – право устойчивого развития. Именно глобальный характер УР свидетельствует о приоритетности международно-правового регулирования по сравнению с регулированием национального (государственного) права (хотя приоритет международного права признаётся и в модели неустойчивого развития). Эта достаточно очевидная особенность права УР проявляется в том, что основные рекомендательные акты, составляющие в настоящее время концептуально-ориентационную основу права УР, были приняты в рамках ООН на её различных форумах.

В связи с указанными решениями Всемирного саммита представляется актуальным

и перспективным исследование правовых аспектов перехода к УР, причём в более широком плане, чем это обычно делалось в рамках экологического права [2]. В ходе работы Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации над законопроектами по проблемам УР была сформулирована идея о выделении нового направления юридической науки и правовой деятельности – права УР. Рассмотрим далее некоторые проблемы, связанные с возможной реализацией этой новой для современного права идеи.

Современное понимание устойчивого развития: от проблем экологии к обеспечению безопасности. Функции мягкого права УР

Понятие УР проходит этап осмысления, причём в последние годы происходят существенные трансформации в интерпретации этого понятия. В докладе Брундланд было дано определение понятия УР как развития, «которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [3, с. 50]. В дальнейшем были предложены и другие определения, которых в настоящее время насчитывается не один десяток.

Так или иначе многие авторы акцентируют внимание на связи социально-экономического развития с вопросами экологии, прежде всего с охраной окружающей среды, или несколько шире – с обеспечением экологической безопасности. Так, одно из последних определений этого понятия – это «форма социоприродного развития, которая обеспечивает выживание и непрерывный прогресс об-

шества и не разрушает окружающую природную среду (особенно биосферу)» [4, с.4]. Подобная «традиция» связи понятия УР с экологией (главным образом с экологической безопасностью) имеет свои основания, и очень редко можно встретить иную точку зрения.

Сейчас стало понятным, что будущее УР будет состоять как минимум из трёх своих составляющих: социальное устойчивое развитие, экономическое устойчивое развитие и экологически устойчивое развитие [5, с. 23]. Все эти три составляющие единого устойчивого социоприродного развития становятся именно устойчивыми типами развития, если на них накладываются определённые ограничения и все они увязываются в единую систему, которая отличается от экономоцентрического неустойчивого развития, характеризуемого в основном экономической эффективностью [6].

Наряду с таким, назовём его «системно-концептуальным» пониманием УР, в последнее время стало развиваться представление об УР как в той или иной степени безопасном развитии [7]. В самом деле выявление связи УР с проблемой экологической безопасности, как оказалось, свелось к определению тех ограничений, которые выражают предельно допустимую (несущую) ёмкость экосистем и биосферы в целом. Согласно К.С. Лосеву, «несущая ёмкость экосистем – предельно допустимое возмущение локальной или глобальной экосистемы (биосферы) хозяйственной деятельностью человека, после превышения которого она прекращает функционировать как регулятор и стабилизатор окружающей среды, переходит в неустойчивое состояние и со временем может полностью необратимо деградировать» [8, с. 692]. УР оказывается таким типом развития, которое происходит в пределах несущей ёмкости экосистем. Впрочем, подобное понимание выражает в основном экологический аспект УР и позиционируется как экологобезопасное развитие.

Однако если рассматривать не только экологически безопасное, но и другие формы и виды безопасного развития, то можно определить границы (пределы) безопасного в том или ином отношении развития. Это касается экономически безопасного развития, социального, информационного, технического и всех других форм и видов развития и соответствующих им форм обеспечения безопасности. Развитие системы в целом оказывается устойчивым, если оно происходит в рамках соответствующего «коридора безопасности», т. е. той или иной «несущей ёмкости» антропогенной деятельности.

В этом смысле экологическая безопасность не отличается от других видов безопасности, но важно то, что понятие УР впервые было сформулировано лишь в связи с экологией. И до осознания связи понятий «развитие и окружающая среда» изучались и другие виды безопасности наряду с экологической, но концепция УР была создана на пути экологического осмысления развития. Лишь позже стало понятным, что наряду с экологической безопасностью важно включить и другие характеристики реального процесса развития – т. е. экономическое его измерение, социальное и т. д. Правда, при таком системном синтезе не очень понятно, почему мы должны включать лишь те характеристики, которые связаны с соответствующим видом безопасности – экономической, социальной и т. д.

То, что необходимо обеспечивать все виды безопасности – и, прежде всего, экономическую и социальную, достаточно очевидно, ибо иначе развитие как целостная характеристика систем не обретёт необходимую системную устойчивость. Однако обеспечение безопасности во всех необходимых аспектах ещё не гарантирует того, что развитие будет устойчивым. Для феномена УР важно, чтобы наряду с обеспечением безопасности, т. е. возможностью развития в определённом коридоре, происходило бы не просто развитие, а именно – прогрессивное развитие, что создаёт возможность непрерывного прогрессивного развития на главной его магистрали, которая получила наименование супермагистрали универсальной эволюции [9].

При обеспечении безопасности прогрессивно эволюционирующих, т. е. самоорганизующихся систем, реализуется тот тип развития, к которому мы сейчас стремимся, потому что он даёт возможность выживания и дальнейшего неопределённо долгого (перманентного) прогрессивного развития человеческого рода. Таким образом, УР состоит из двух взаимосвязанных форм социальной деятельности – прогрессивного развития субъекта (цивилизации) социоприродной системы и обеспечения её безопасности во всех возможных направлениях. Эта взаимосвязь прогресса и безопасности «работает» на будущее, позволяя удовлетворять жизненно важные интересы и потребности не только нынешним, но и будущим поколениям в условиях сохранения природных условий как естественного фундамента существования человечества.

В принципе концепция УР могла появиться и не в «экологоцентрической» фор-

ме, если бы было осознано, что необходимо менять курс развития всего мирового сообщества в силу иных обстоятельств. И хотя исторически это впервые получилось благодаря экологии, всё же нельзя УР связывать только с реализацией экологических императивов. УР – это все-таки безопасный тип развития во всех отношениях, который реализуется в достаточно узком эволюционном коридоре (в рамках несущей ёмкости экосистем). Поэтому на определённом уровне осознания сути УР важно констатировать, что этот тип социоприродного развития характеризуется глобальностью, системностью, непрерывностью, безопасностью и принятием опережающих решений.

И поэтому осмысление УР не обязательно должно идти только «через экологию». Можно УР интерпретировать и «через безопасность», и через другие, входящие в его систему направления развития (и обеспечения безопасности), ранее изучающиеся как относительно автономные формы человеческой деятельности.

В широком смысле УР трактуется как процесс, обозначающий новый тип существования и развития мировой цивилизации, основанный на радикальных изменениях исторически сложившихся ориентиров во всех, практически, параметрах бытия: экономических, социальных, экологических, культурологических и др. При таком понимании УР речь идёт об оптимальном управлении не только природно-ресурсным потенциалом, но и всей социокультурной сферой (экономикой, культурой, государственно-правовыми институтами и т. д.).

Переход к УР невозможен без использования государственно-правовых институтов, которые при этом сами должны претерпеть существенные изменения. Принципы и императивы УР требуют новых форм правосознания, новых правовых норм, новой системы управления. Индивидуальное, групповое, общественное правосознание должны отойти от стандартов узко-индивидуального, группового и даже национального эгоизма. Большинство людей не осознает, что при существующих методах хозяйствования и построения межгосударственных отношений их потомков ожидает экологическая катастрофа (или иные глобальные катаклизмы), предотвратить которую невозможно иначе, чем объединёнными усилиями всего человечества. Объединение таких усилий требует новой концепции государственной власти и государственного суверенитета, которая выхо-

дит за пределы корпоративных и классовых интересов и в ряде случаев даже собственно государственных интересов. Из основных форм властных отношений на первый план во всем мире выходят ныне наиболее разумные формы демократии и управления, особенно ненасильственно-консенсусные, информационно-коэволюционные.

Смысл перехода к УР, таким образом, состоит в существенном уменьшении негативных явлений и опасностей, угрожающих цивилизации. Причём такой переход неизбежно влечёт за собой необходимость повышения качества жизни, прежде всего в бедных странах, совершенствования форм хозяйствования, управления, демократии. Важно отметить также, что в модели УР безопасность личности, общества и государства обеспечивается не только через защиту и противодействие возникающим угрозам, а в основном путём предотвращения возникновения самих угроз.

В отличие от нормообразования на основе обычаев (обычной нормы) как сложившейся практики поведения людей, которая складывается длительное время, в процессе «всеобщих», единообразных и повторяющихся действий субъектов права, право УР не может формироваться на этой основе. Уже в модели неустойчивого развития становление обычных норм не успевало за потребностями правового регулирования, и поэтому на смену кодификационной деятельности пришло формулирование новых правил поведения, которые не установились в качестве обычая, т. е. речь идёт о прогрессивном действии права, в частности, становлении норм в области охраны окружающей среды. Особое значение приобретают рекомендательные акты, к которым относятся декларации, резолюции, заявления, доктрины, концепции, планы, программы, особенно в международном праве (что относят к так называемому «мягкому праву»). Примером может служить Декларация тысячелетия, принятая ООН в 2005 г., в которой предложено восемь целей, являющихся, по сути дела, важнейшими задачами перехода цивилизации к УР. К такого рода декларациям относятся и декларации, принятые на Стокгольмской конференции ООН по окружающей среде 1972 г., на ЮНСЕД и ВСУР, резолюция Специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН «Рио+5» и т. д. Упомянутые и другие рекомендательные акты способствуют выявлению норм международного права, предваряют формирование обычных и дого-

ворных норм и играют важную роль в формировании общих принципов и концептуального аппарата права УР. Как показывает практика нормотворчества, так или иначе основные идеи и положения рекомендательных актов как производных источников международного права (особенно предложенных на форумах ООН) находят своё дальнейшее воплощение в принятых законах и международных конвенциях.

Право УР будет формироваться в основном как реакция на предварительные рекомендательные акты, принимаемые на форумах ООН и других аналогичных международных совещаниях, где заранее достигаются в ходе согласительных процедур и предложений правила дальнейших действий субъектов мирового сообщества. Согласительный характер международных рекомендательных актов предваряет заключение будущих двух- и многосторонних договоров, регулирующих поведение субъектов международно-правовых отношений, включающих в себя соответствующие нормы. Эти рекомендательные акты выполняют также моделирующую функцию, формируя концептуальную установку в области перехода к УР на глобальном, региональном, национальном и местном уровнях.

Именно так были сформулированы официальные документы по переходу к УР во многих странах, которые взяли для себя в качестве образца-модели Рио-де-Жанейрскую декларацию по окружающей среде и развитию и особенно – Повестку дня на XXI век, адаптируя их содержание к своим странам.

Уже принятые национальные концепции, стратегии, программы и им подобные официальные прогнозные документы, а также принятые всеми странами ООН (179 – в Рио-де-Жанейро и 191 – в Йоханнесбурге) рекомендательные документы выполняют координирующую функцию, поскольку и в национальных рекомендательных актах отражаются уже согласованные на международном уровне общеприемлемые императивы и действия в тех или иных областях, признанных в качестве приоритетных при переходе к УР.

Координирующая функция принятых ООН рекомендательных актов, вполне естественно, дополняется ориентационно-объяснительной функцией, которая в случае заключения международных договоров или принятия национальных законов трансформируется в основную – регулирующую функцию права устойчивого развития в созидании нашего общего будущего. Без этого будет

невозможен согласованный переход к УР всех субъектов мирового сообщества и их составляющих (в случае союзов, федераций и т. д.).

Международные рекомендательные акты по УР имеют также информационно-коммуникативную функцию для всех коллективных и индивидуальных субъектов, поскольку ознакомление с ними, а тем более их реализация означает получение новой информации и свершения коммуникативных действий по формированию ноосферного сознания и миропонимания.

Формирующееся право УР в отличие от ныне действующего права будет иметь опережающий характер и тем самым будет выполнять упреждающе-прогностическую функцию. Ведь УР представляет собой нормативный прогноз, который может реализоваться лишь в случае создания и реализации права УР, причём создание «устойчивого будущего» должно идти благодаря действиям современных поколений людей.

Если ранее, т. е. в модели неустойчивого развития, формирование правовых норм, в особенности обычных норм, требовало продолжительного периода времени (до ста и более лет), то в праве УР нормы должны носить императивно-опережающий характер. Это даёт основание в известном смысле считать право УР «опережающим правом» в отличие от ныне действующего международного и национально-государственного права, которое можно в этом ракурсе считать «отстающим правом».

От экологического права к праву устойчивого развития – два направления законотворческого процесса

В том, что необходимы законы, в которых присутствуют идеи УР, сейчас уже мало кто сомневается, хотя это не казалось очевидным более десяти лет тому назад [10]. Однако первые попытки законотворчества в этом направлении в России и других странах показывают, что они были преимущественно связаны с проблемами экологии и, соответственно, с экологическим правом. Подобная «экологическая» тенденция в законодательстве об УР в какой-то мере была оправданной лишь на раннем этапе развития этого направления правовой деятельности, поскольку об УР, как уже отмечалось, впервые заговорили в связи с решением проблем экологии.

Экологическое право, как известно, существует всего лишь несколько десятилетий; его

международно-глобальным стимулятором стала Стокгольмская конференция ООН по окружающей среде (1972 г.). Следующая конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, июнь 1992 г. – ЮНСЕД) жёстко «связала» экологию и УР, что нашло отражение в ряде национальных нормативно-правовых актов, созданных на основе её рекомендаций. Примером может служить «Закон об устойчивом развитии», принятый 22 февраля 1995 г. в Эстонии, в котором УР рассматривалось исключительно сквозь призму экологического видения будущего и фактически отождествлялось с обеспечением экологической безопасности. Названный закон устанавливал основы национальной стратегии УР, но в основном в плане бережного использования окружающей природной среды и природных ресурсов. Это был не закон об УР в его системном видении, а, по сути дела, некое «продолжение» экологического права, получившее новое модное наименование. Аналогом подобного закона в нашей стране стал Закон РСФСР «Об охране окружающей природной среды» (1991 г.), в котором, однако, понятие УР отсутствует.

1 апреля 1996 г. Указом Президента Российской Федерации была утверждена Концепция перехода Российской Федерации к УР. В ней намечены задачи, направления и условия перехода к УР, изложены критерии принятия решений и показатели этого типа социоприродного развития. Концепция исходила из широкого понимания УР и должна была стать стимулом для формирования соответствующей законодательно-правовой базы. В этом отношении она уже сыграла немалую роль. Появились законы, цели которых, как указано в них, реализуются на основе принципа УР. И здесь уместно обратить внимание, что проникновение идей УР в законодательный и многие другие социальные процессы происходит в двух направлениях (формах). Исторически первичной является та форма, которая предполагает использование идеи УР во вновь создаваемых законах, какими, например, являются Водный либо Лесной кодексы и т. д. Сейчас происходит рост числа подобных законов, и если бы идеи УР были бы связаны только с экологией, то эту тенденцию можно было характеризовать как экологизацию законодательной деятельности.

Однако подобная тенденция носит более системный, содержательный и широкий характер. Это и внедрение в законы идей обеспечения безопасности, и системной взаимосвязи

экологии с экономикой и социальной сферой и т. д. Можно подобную тенденцию именовать ноосферизацией, поскольку согласно упомянутой выше Концепции перехода РФ к УР конечной целью этого перехода является становление ноосферы (сферы разума).

И хотя становление права УР исторически идёт через экологическое право, но его становление теоретически возможно и через другие отрасли, фрагменты и направления развития правового сознания и деятельности. Не исключён вариант развития права УР через формирование «безопасного» законодательства, юридической экспликации идей об обеспечении безопасности во всех возможных направлениях. Мыслимы и многие другие пути вхождения на «территорию» права УР, а не только через экологическое право. Современный «экологический» нарождающегося права УР обусловлен исторически преходящими обстоятельствами, но он уже зафиксирован в современной литературе по экологическому праву и праву УР [2].

Второе направление развития законодательной деятельности в области УР состоит в формировании специального закона (законов, кодексов) об УР, возможное влияние которого на развитие права трудно переоценить. Специальный закон об УР в нашей стране пока не принят, хотя в планах Государственной думы, начиная со второго её созыва, значилась разработка законопроекта «О государственной политике по обеспечению устойчивого развития Российской Федерации». В этот же период под эгидой Комитета по экологии Госдумы ФС РФ стала проводиться работа по формированию концепции проекта закона об УР. Участие в этой работе приняли представители и других комитетов Государственной думы. Кроме того, по названному вопросу проходили парламентские слушания в обеих палатах Федерального собрания РФ.

В результате многолетней работы, которая, на мой взгляд, велась всё же недостаточно активно, так и не была выработана концепция названного закона. Не была подготовлена и государственная стратегия УР России, которая должна была стать необходимым этапом в разработке официальных государственных прогнозных документов, облегчающих создание законопроекта об УР.

И этому были свои объективные и субъективные причины. Так, на первом этапе разработки концепции закона в Комитете по экологии Госдумы доминировала точка зрения, что это должен быть закон, в котором уста-

навливаются конкретные нормы хозяйственной и иной деятельности, которые должны носить в основном экологодопустимый характер. Но в ходе последующего обсуждения «нормативно-экологической» концепции закона выявилось её несоответствие нынешнему пониманию этих проблем как в самом Федеральном собрании, так и в обществе, в том числе в научном сообществе. Было признано, что не следует ограничиваться лишь теми критериями и нормами, которые уже имеются в экологическом праве, ибо такой подход ничего нового не вносит в законодательство, а лишь фактически отождествляет право УР с экологическим правом. Вместе с тем до сих пор не выявлены в достаточной мере критерии и нормативы, необходимые для перехода к УР, не только в области экологии, но и в экономике, социальной и других сферах деятельности (разрабатываются пока лишь индикаторы и индексы УР). Следует отметить и такое обстоятельство, как отсутствие общепринятого в научной литературе определения понятия УР и связанного с ним «куста» понятий, которые составили бы концептуальную основу закона об УР.

Само экологическое право в модели неустойчивого развития, т. е. ныне существующая отрасль права, в принципе не может остаться без существенных изменений при переходе к модели УР. Укажем лишь на две особенности экологического права, ориентирующегося на переход к УР. Во-первых, в качестве приоритетных для такого экологического права должны выступать не только соответствующие международные договоры, но и те глобальные императивы и принципы, которые не эксплицированы в международном праве, а существуют лишь в качестве политических рекомендаций ООН или выявленных пока только наукой результатов исследований, обосновывающих стратегию УР (так называемое «мягкое право» УР).

Во-вторых, экологическое право, ориентирующееся на УР, будет отличаться даже в своих нормах и принципах тем, что оно более системно связано с другими правовыми нормами и принципами, регулирующими экономику, социальную, политическую и другие сферы деятельности (увязывая в единую систему обеспечение безопасности и прогрессивное развитие).

Это сопряжено с тем новым системным эффектом, который появляется в праве, когда в нём последовательно закрепляются принципы УР. В этом случае у права как системы взаимодействующих и согласованных между

собой юридических норм формируется новое качество – направленность на решение задач перехода к УР. Специфический системный эффект права УР заключается в том, что все нормы и принципы в различных его отраслях будут взаимосвязаны прежде всего с позиции соответствия их задачам обеспечения УР. В силу сказанного выше нет оснований говорить о формировании в составе ныне действующего права особой отрасли – права УР, подобно, например, экологическому праву. Такое развитие событий трудно представить себе даже теоретически: разве может существовать в рамках нынешней модели права неустойчивого развития особая отрасль – право УР? Ведь в общей теории права общепринятым является тезис о том, что все структурные элементы системы права должны быть внутренне едиными, согласованными между собой. Невозможно говорить о праве УР как особой отрасли российского или иного национального или международного права и по другой причине: у такой отрасли должен быть особый предмет и метод правового регулирования, которыми характеризуется любая отрасль права. Сейчас делать какие-либо прогнозы о содержании такого предмета и метода, по меньшей мере, преждевременно. Вероятно, в будущем право УР сможет выступать не в виде отдельной отрасли права, наряду с другими отраслями, но как качественная характеристика, принцип формирования и функционирования всей системы правовых норм. Окончательно это произойдет тогда, когда вся система права во всех её структурных элементах (все нормы, институты, отрасли права) трансформируется в систему устойчивого права.

Между прочим, изложенное ранее вовсе не означает, что в настоящее время нельзя вести речь о формировании особой отрасли российского или иного национального законодательства – законодательства УР. Именно это законодательство (совместно с международными договорами и «мягким правом» – рекомендациями ООН) выступит в качестве того механизма и стимулятора, который постепенно преобразует всю существующую правовую систему, ориентированную пока что на модель неустойчивого развития, приведёт её в соответствие с новой цивилизационной моделью.

Необходимо иметь в виду, что национальный закон об УР должен кардинально отличаться от уже принятых и принимаемых законов. Он будет знаменовать дальнейший отход от традиционного антропоцентрического видения системы права к новой социоприрод-

ной системе, который уже был начат в результате формирования экологического права как юридического способа реализации экологической функции государства. Закон будет иметь и свой специфический предмет правового регулирования. В отличие от экологического права, он должен дать юридическую экспликацию не только экологической, но и иных функций государства с позиции реализации ими принципов УР. Речь идёт, таким образом, не просто об «экологическом расширении» границ правового регулирования, а о законе, который, по сути дела, стал бы трамплином между экологическим правом и фактически всеми иными разделами права и «преобразовал» бы все другие, уже принятые законы. В силу этих обстоятельств экологическому праву «уготована» важная роль в «перевод» современного права в будущее право УР.

Предмет правового регулирования нового закона об УР должен, наряду с экологическим аспектом (ориентацией на сохранение экосистем и биосферы в целом и деятельность в рамках несущей ёмкости экосистем), учитывать также и цели выживания народонаселения нашей страны, возможность воспроизводства здоровых поколений, которым не будет угрожать антропогенная, экологическая или другие катастрофы. То есть экологическая функция закона в понятиях, принципах и нормах закона должна быть соединена в одно целое с другими аспектами УР. Для иллюстрации практической значимости этого положения обратимся к конкретному примеру. Известно, что в настоящее время в Российской Федерации около 50 процентов населения живёт в зоне экологического бедствия. Совершенно ясно, что названная проблема не только экологическая, но и экономическая (нужны средства для разрешения этой проблемы), социальная (в наиболее трудном положении оказываются беднейшие слои населения), политическая (нужна власть, которая способна решать эту проблему). Наконец, решение этой проблемы напрямую связано с уровнем и характером демократии, которая позволяет или не позволяет людям ставить перед властями вопрос об улучшении их положения, а властям, в силу действия демократических механизмов управления, соответственно даёт или не даёт возможность уйти от учёта общественного мнения. Только соединение воедино способов и методов разумного разрешения экологических, экономических, социальных и других проблем даёт надлежащий синергический эффект устойчивости социальной деятельности.

Столь широкий круг вопросов, который должен получить отражение в законе об УР, подводит к выводу о том, что необходимо работать не просто над законом, а уже и над соответствующим кодексом, включающим различные аспекты правового регулирования деятельности государства, общества, органов самоуправления, граждан по переходу к УР. Можно предполагать, что первый закон (кодекс) такого рода станет в значительной степени «рамочно-мировоззренческим», в котором будет изложена стратегия УР и который введёт в юридическую теорию и практику идеи, принципы и базовые нормы УР. Конечно, до появления закона (кодекса) об УР должны пройти этапы научного обоснования самой этой идеи и разработки стратегии и понятийного аппарата теории новой цивилизационной парадигмы. Поэтому в Комиссии по проблемам УР Государственной думы третьего созыва было решено вначале разработать научную основу стратегии УР, что и было завершено в 2002 г. [11].

Право третьего тысячелетия: концептуальные аспекты развития

Юридические законы в широком смысле — это создаваемые государством и его институтами и поддерживаемые обществом нормы, регулирующие поведение людей. Особую разновидность юридических законов представляют собой правовые законы, которые являются общеправовыми требованиями равенства, свободы и справедливости [12].

О том, как понимаются юридические законы, написаны горы правовой и философской литературы. Однако речь при этом шла в основном о том самом обществе и цивилизационном развитии, которое после Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. характеризуется как модель неустойчивого развития. Между тем важно расставить концептуальные акценты в отношении указанных выше законов применительно именно к модели УР. Не претендуя на полноту изложения этой проблемы, укажем лишь на некоторые отличия искомым законам об УР от «традиционных» законов (в модели неустойчивого развития).

Известно, что социально-экономический прогресс в модели неустойчивого (прошлого и современного) развития достигался преимущественно за счёт экологического регресса, что и сказалось на безопасности и устойчивости этой модели. Позитивное разрешение данного противоречия следует искать, конечно, не в

стагнации социально-экономического развития (в конечном счёте, она привела бы к деградации всей культуры человечества), а в гармоничном, взаимоувязанном развитии общества, его взаимодействии с природой. Иными словами, речь идёт о переходе к социоприродному типу УР, который предполагает глубокое знание закономерностей взаимодействия общества, природы и техники.

Включение исследования социоприродных законов в ареал юридической науки – это, конечно, продолжение тенденции к «экологизации» права, открывающей перед экологическим правом новые «устойчивые» горизонты для его развития. Однако к одной «экологизации» проблему освоения социоприродных законов сводить недопустимо, ибо при переходе к УР природу и её воздействие приходится учитывать во всех сферах деятельности человека. Вместе с тем сказанное не означает, что отныне правовое регулирование непосредственно будет распространяться и на природные процессы, а право станет если не естественной, то хотя бы «социоприродной» дисциплиной. В действительности, правовое регулирование по-прежнему будет распространяться только на людей, их коллективы, социум, но не на природу. Воздействие права на природу возможно лишь в той мере, в какой люди подчиняются юридическим установлениям, регулирующим соответствующие отношения между ними. Сам факт участия человека в регулировании отношений не только между людьми, но и между людьми и природой давно уже понимается в юридической науке в том смысле, что именно естественные законы, по сравнению с юридическими, являются первичными и их надо учитывать, издавая конкретную правовую норму. Такой подход к этой проблеме ещё в конце XIX века был сформулирован выдающимся отечественным правоведом Н.М. Коркуновым.

Социоприродные законы в некотором смысле имеют общие черты с традиционно выделяемыми в юридической науке технико-социальными нормами, регулирующими взаимоотношения между людьми в связи с использованием ими сил природы или технических устройств. Однако эта особая разновидность технико-социальных норм. Только те технико-социальные нормы выступают в качестве социоприродных законов, которые учитывают цели и задачи обеспечения УР.

Наличие природных и социоприродных законов означает, что из юридической науки и практики должны исчезнуть факты неком-

петентного вмешательства в природные закономерности и процессы и на смену экономоцентристской и природопокорительной стратегии (получившей отражение и в области законотворчества) должна прийти установка на следование принципам и целям УР.

УР рассматривается как грядущая форма коэволюции природы и общества, обеспечивающая их взаимное сохранение и формирование сферы разума (ноосферы). Необходимость опережающих решений и действий при переходе к устойчивому будущему называется во всех сферах человеческой деятельности. И если раньше было понятно, что для регулирования своей деятельности обществу важно знать своё прошлое и настоящее, то новая социоприродная модель развития требует не меньшего внимания и к будущему (т. е. гораздо большего, чем это имеет место сейчас). Чем больше человечеству удастся футуризировать свою деятельность, тем больше оно приблизится к траектории УР. Под футуризацией мы имеем в виду усиление внимания к прогнозированию, принятию опережающих решений и акцент на опережающих действиях.

Усиление внимания к будущему не означает, что его надо детально «выписывать» как настоящее и будущее, где есть конкретные факты. Будущее должно акцентировать внимание на общих направлениях развития, достаточно общих проблемах; конкретика и детали не нужны, ибо с течением времени они не смогут превратиться в факты настоящего и прошлого. В этом одно из важных отличий исследований будущего от изучения настоящего и прошлого. Юридической науке, как и другим отраслям научного знания, придётся развернуть широкомасштабную работу для выполнения целей и задач перехода к УР. В ходе этой «опережающей» деятельности изменится сам характер науки, её стратегическая ориентация. Из своего современного состояния, которое иногда именуют постнеклассическим, юридическая наука должна превратиться в одну из ноосферных наук, изучающих эволюционное состояние биосферы, формирующейся под воздействием разумной деятельности человека.

Ноосферные преобразования, хотя и по-разному, но затронут все основные группы наук. Меньше всего, вероятно, они коснутся естественных наук, хотя и здесь задачи будут ставиться исходя из целей перехода к УР. К тому же естественные науки будут испытывать влияние других отраслей знания в про-

цессе становления их ноосферного статуса, поскольку усилятся интегративно-междисциплинарные взаимосвязи.

Что касается технических наук, то должна произойти их существенная футуризация, экологизация и гуманизация. Но именно в общественных науках, в том числе и в юридических, можно ожидать в течение текущего века фундаментальную «гуманитарно-ноосферную» революцию, основанную на осмыслении и развитии знаний об УР и становлении ноосферы. А поскольку эти процессы не носят стихийного характера, то наряду с традиционным отображением естественно-исторического процесса юридическая наука, как и другие общественные науки, всё больше должна будет заниматься прогнозированием объекта своего научного поиска и социально-технологическим опережающим проектированием и моделированием будущего общества.

Изучая модель неустойчивого развития общества, юридические науки, как и многие другие общественные науки, отстают даже от современности, что связано с общим традиционным подходом к исследованию социального развития, когда основное внимание уделяется прошлому состоянию общества. Очевидно, что такое отставание, при котором наука или отдельная дисциплина могла относительно успешно существовать в модели стихийного неустойчивого развития, должно быть сведено к минимуму в новой модели – ноосферной науке. Процесс футуризации правового знания, смещение акцентов в сторону изучения, предвидения и прогнозирования будущего, в основном в форме устойчивого будущего, должен происходить настолько интенсивно, чтобы стало возможным построить «законодательный» фундамент созидания этого будущего.

Однако для этого необходимо изменить концептуально-методологические основания правового знания, сформировав опережающее правовое знание как знание, развивающееся более быстрыми темпами, чем многие другие социально-гуманитарные знания, и как знание, которое содержит информацию о грядущем, о наших действиях в настоящее время для формирования желаемого устойчивого будущего.

Знание о будущем, конечно же, является «нефактологическим» знанием (поскольку факты – отражение уже свершившегося). Но это не означает, что юридические науки лишатся своей эмпирической базы и «фактологическое» знание станет второстепенным. В принципе тенденция «нефактологического»

подхода отчётливо обнаружилась в науке ещё на предыдущих этапах её развития. И в этом «виновато» не только предсказание и исследование будущего, но и появление и развитие наук, отвлекающихся в той или иной степени от истинности своих положений и их содержательности. Классическим примером такой науки является математика, где важна не истинность результатов, а логическая непротиворечивость аксиом. Положения математики настолько отвлечены от содержания, что, по сути дела, изучают аксиоматическим и символическим методом особого рода формы – так называемые математические структуры (Н. Бурбаки) и математические категории.

Однако, не будучи опытной наукой, полностью (либо частично) отвлекаясь от эмпирии, математика всё же считается полноправной научной дисциплиной в системе научного знания. Такого рода «двойной» стандарт оправдан, поскольку математика выполняет свою функцию в науке как целостной системе, способствуя процессу её математизации.

Эстафету подобного подхода от математики «подхватила» информатика, в которой в дополнение к традиционной «математической реальности» появилась так называемая виртуальная реальность как своего рода отвлечение от действительности, породившей её. Виртуальная реальность также имеет дело с иным предметом, нежели эмпирические науки, что не только не исключает, но и допускает влияние виртуальной реальности на «настоящую» реальность. Впрочем, с виртуальной реальностью имеет дело не только информатика, но и, скажем, психология, космонавтика и уже многие другие отрасли знания, что предполагает даже появление особого рода научного направления – виртуалистики, которая в составе научного знания может выступать в статусе математики и информатики.

Сказанное не означает, что необходимо отказаться от опоры на научные и другие факты, которые имели место в прошлом и входят в доказательную базу юридической науки. Речь идёт о том, чтобы элементы проростки опережающего знания и прогнозирования, которые могут составлять правовой фундамент для превентивных действий, получили бы необходимое развитие и превратили бы «право неустойчивого развития» в «право устойчивого развития».

Важно в самой юридической науке провести своего рода «инвентаризацию» знаний: определить, что должно остаться в модели неустойчивого развития и что являет-

ся своего рода инвариантом в обеих моделях цивилизационного процесса. К этому последнему можно отнести лишь то правовое знание, которое будет способствовать реализации модели УР.

Очевидно, что модель УР существует лишь в идеальной форме, как желаемый, нормативный прогноз того возможного развития, которое может реализоваться в том случае, если человечество в целом предпримет соответствующие меры по реализации этой модели действия. Основанием для появления УР как нормы (прогноза) будущей человеческой деятельности является потребность в выживании мирового сообщества, которое может погибнуть от антропоэкологической катастрофы, если не будут предприняты упомянутые действия. Эта потребность выживания ныне стала воплощаться в цели, принципы и императивы будущей формы (модели) социоприродного развития, для реализации которой должны быть задействованы различные механизмы регуляции и управления, в том числе – государство, право, закон.

Право УР должно быть основано на новой системе трактовки традиционных научных понятий, этических и духовных ценностей. Обратим внимание, например, на такую характеристику юридического закона, как общеобязательность. Обычно общеобязательность трактуется в рамках отдельного государства либо определённой их коалиции (в случае международных договоров). Однако такая трактовка общеобязательности узка для реализации стратегии УР, поскольку это последнее требует объединения усилий всего человечества, его скоординированных действий по воплощению целей и принципов нового курса поступательного движения мирового сообщества. Общеобязательность в праве УР неизбежно приобретает планетарный характер (поэтому важно УР соединить с процессами глобализации) как в пространственных измерениях, так и в темпоральном аспекте, в том смысле, что она распространяется на все последующие поколения живущих на Земле людей. Впрочем, если иметь в виду возможность реализации космической магистрали УР, то глобальный характер императива общеобязательности дополняется и внеземными характеристиками как для человечества, так и возможных его коалиций с иными цивилизациями Вселенной.

Стратегия УР также существенно расширяет содержание идеи формального равенства, поскольку в той или иной степени она распространяется и на последующие поколе-

ния людей, а также на природу, прежде всего биоту. Современные поколения должны сделать всё от них зависящее, чтобы потомки не столкнулись с угрозой своей гибели либо дегенерации в силу ухудшения экологических условий проживания либо даже отсутствия природных ресурсов. Между тем, это вполне реально при сохранении нынешней модели устойчивого развития хотя бы на протяжении первой половины XXI века. По сути дела, в данном случае речь идёт о некоторой «консервации» наших представлений о человечестве, поскольку мы хотим, чтобы и в будущем человечество в своей основе оставалось таким же, а не вымерло или не превратилось бы в нечто иное, которое с нашей нынешней точки зрения не будет идентифицироваться с человечеством, несмотря на его происхождение и эволюцию.

С позиции УР определённое равенство распространяется и на природу, особенно на экологические условия и природные ресурсы. Это следует из формального равенства нынешних и будущих поколений по удовлетворению своих жизненно важных и коэволюционно-разумных потребностей. Их удовлетворение происходит и может идти за счёт природы, и важно её сохранить и преобразовывать таким образом, чтобы не разрушались ни природные ресурсы, ни условия проживания людей. Это означает, что жизнедеятельность и, прежде всего, хозяйственная деятельность человека должны проходить в определённых пределах, превышение которых прекращает действие биоты, прежде всего, её естественных сообществ в качестве регулятора и стабилизатора окружающей среды [8, 13]. Если хозяйственная и иная антропогенная деятельность находятся в этих пределах, т. е. имеют экологические ограничения, то цивилизационный процесс может длиться неограниченно долго и реализуется стратегия социоприродного УР.

Поскольку естественные сообщества выступают в качестве регулятора и стабилизатора экосистем и биосферы в целом, то речь идёт, прежде всего, об их сохранении. Причём не о сохранении всей биоты, а лишь той её части, которая необходима и достаточна для сохранения биосферы и её экосистем (по оценкам учёных, эта часть составляет не менее трети всей дикой природы). В разных экосистемах эта часть будет варьироваться, но остальная часть может быть использована человеком для своих нужд, но лишь в том случае, если не будет утрачиваться биораз-

нообразии. Речь идёт о своего рода «консервации» качества и количества биоты в форме естественных сообществ, их «параллельной» эволюции, наряду с биотой, используемой человеком.

Желательно также, чтобы используемая биота была бы воспроизводимым ресурсом и, соответственно, доля других воспроизводимых ресурсов также была бы максимальной. И наоборот, доля используемых невозпроизводимых ресурсов, к которым обычно относят минеральные ресурсы, должна быть минимальной. В условиях существующих планетарных ограничений хозяйственной деятельности важно перейти на интенсивный и максимально экологизированный путь развёртывания этой деятельности, в частности, на интенсификацию производства, которая в сфере природопользования основывается на принципе замены невозпроизводимых природных ресурсов на воспроизводимые. Можно даже ввести так называемый коэффициент устойчивости, определяемый через отношение общего количества воспроизводимых природных ресурсов к сумме всех ресурсов (как воспроизводимых, так и невозпроизводимых). Решение проблемы устойчивого природопользования в одной отдельно взятой стране в принципе нереально, поскольку переход к новой модели цивилизационного развития возможен только в планетарном масштабе. Поэтому процесс замены невозпроизводимых ресурсов на воспроизводимые связан не только с научно-технологическими, экономическими, социальными, экологическими проблемами, но и с политическими. Наряду с экологическими императивами именно устойчивое природопользование выступает тем центральным звеном, от которого, в первую очередь, зависит переход человечества на новую магистраль развития, включающую в себя справедливое распределение ресурсов (и доступ к ним) как для нынешних, так и будущих поколений.

Эти вопросы возникают при попытке отличить формальное равенство (по содержанию) в праве УР и в праве неустойчивого развития. В основном это различие связано с признанием «равенства» нынешних и будущих поколений и «приравниванием» человека к другим живым существам, что характерно для «Хартии Земли», на принципы которой ориентируется стратегия УР [13].

Существенно изменяется и содержание принципа справедливости при переходе к модели УР. Он обретает глобальное измерение, чему, несомненно, способствует перевод

процессов глобализации на магистраль УР. По мнению ряда организаций, входящих в ООН, именно справедливость является главным принципом УР. Принято говорить о том, что она распространяется на всех без исключения людей. При этом обычно имеют в виду только нынешние поколения. Но эти поколения, продолжая транслировать в будущее принципы хозяйствования и особенно природопользования, ведущие к разрушению окружающей природной среды и истощению природных ресурсов, обрекают будущие поколения вначале на существенное снижение качества жизни, а затем и на гибель. Тем самым не только с позиции пространственно-глобальных, но и темпоральных критериев нынешние поколения существенно нарушают принцип справедливости; они живут, по сути дела, за счёт будущих поколений. Вот почему в целях обеспечения УР необходимо устранить упомянутую темпоральную асимметрию и распространить принцип социальной справедливости и на будущие поколения людей, с тем чтобы обеспечить выживание и сохранение существования человеческого рода на всё обозримое будущее.

Императивы УР должны быть заложены и в понимание личных свобод. Для многих людей личные свободы предпочтительнее насущных забот общества, а тем более всего человечества. И пока что все демократические механизмы в основном приспособлены к учёту мнения большинства населения, а не его разумной части. Предстоит большая работа по совершенствованию демократического механизма учёта общественного мнения при принятии властных решений. По-новому рассматриваемые принципы равенства и справедливости, а также по-новому понимаемые личные свободы, будучи закреплёнными в праве, кардинальным образом меняют его содержание.

Право УР – это право устойчивого будущего. Но его становление происходит не на пустом месте. Элементы такого права частично уже созданы в ходе развития человеческого общества. Они закреплены в индивидуальных и нормативных механизмах регулирования общественных отношений, в системе наиболее эффективных мер правового воздействия на поведение человека, в правовом оформлении деятельности государственных и международных институтов и т. п. И всё же главные черты и специфические особенности права УР только начинают складываться. Уже сейчас ясно, что оно будет включать

набор принципов и норм, которым должны быть подчинены любые предписания, прямо или косвенно затрагивающие вопросы сохранения биосферы и безопасности не только отдельного человека, но и всего человечества.

Направленность на обеспечение УР становится неотъемлемой чертой развития права XXI века. Начало такой тенденции придало необходимость обеспечить нормальные экологические условия для жизни современников (чистый воздух, чистая вода и т. п.). Но оказалось, что чисто экологические проблемы не поддаются решению без участия государственно-правовых и международных институтов. Решение экологических проблем неизбежно влечёт за собой кардинальные изменения и в традиционном укладе жизни общества, в общественном сознании. Более того, переход к УР невозможен лишь в рамках национальных государств. Он предполагает согласованные действия многих стран по решению общемировых проблем УР. Примером такого сотрудничества может стать совместное решение ряда стран Азиатско-тихоокеанского региона, США и европейских государств о создании всемирной службы предупреждения о возникновении цунами в Индийском океане, принятое после катастрофических последствий такого цунами в декабре 2004 г. Идея УР плохо работает в мире, разделённом социально-экономическими, политическими и культурно-цивилизационными барьерами. Поэтому должен сложиться новый миропорядок, который позволит каждому государству реализовать те идеи общего блага, с которыми исторически связывается его существование, должно быть положено начало формированию глобального гражданского общества, в котором максимально полно будут обеспечены права и свободы граждан с учётом интересов будущих поколений.

Забота о будущих поколениях людей неразрывно связана с сохранением нашей планеты. При этом речь идёт не только о каких-то особых сообществах живых существ, а обо всём живом на планете, независимо от того, представляет ли та или иная конкретная форма жизни пользу для человечества [13, 14]. И дело не в том, чтобы, оставив живые существа в покое, человеку существовать лишь за счёт неживой природы, на чём настаивают некоторые авторы, ссылаясь при этом на идею В.И. Вернадского об автотрофности. Использование косного вещества планеты, в частности минерального сырья, также будет подрывать основы биосферы, негативно влиять на живое вещество и человечество [15]. Поэтому речь идёт именно о сохранении биосферы и планеты в целом, геосферы которой вза-

имосвязаны между собой. Изменение их человеком возможно лишь в определённых экологических, геологических и других аналогичных пределах, что обеспечивает безопасное существование биосферы и цивилизации [16].

Литература

1. План выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2002. № 9-10. С. 142-187.
2. Бринчук М.М., Урсул А.Д., Мастушкин М.Ю. Правовые проблемы устойчивого развития. Учебное пособие. М.: Ступени, 2005. 308 с.
3. Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) / М.: Прогресс, 1989. 376 с.
4. Урсул А.Д., Демидов Ф.Д. Устойчивое социоприродное развитие. Учебное пособие. М.: РАГС, 2006. 330 с.
5. Шхагапсоев С.Х., Мурзаканова А.С. Экологические проблемы горных территорий и обеспечение их природно-экологической устойчивости (на примере Кабардино-Балкарской республики) // Юг России: экология, развитие. 2007. № 1. С. 22-34.
6. Урсул А.Д. Концептуальное моделирование устойчивого развития // Экология урбанизированных территорий. 2006. С. 22-32.
7. Урсул А.Д. Безопасность и развитие: концептуально-методологические аспекты // Безопасность Евразии. 2007. № 1. С. 335-355.
8. Лосев К.С. Несущая ёмкость экосистем // Глобалистика. Энциклопедия / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М.: Радуга, 2003. 1328 с.
9. Урсул А.Д., Урсул Т.А. Универсальный эволюционизм (концепции, подходы, принципы, перспективы). М.: РАГС, 2007. 328 с.
10. Урсул А.Д. Нужен закон о переходе РФ к устойчивому развитию // Зеленый мир. 1995. № 16.
11. Научная основа стратегии устойчивого развития Российской Федерации. М.: Государственная дума, 2002. 232 с.
12. Нерсесянц В.С. Право // Новая философская энциклопедия. Т. 3. М.: Мысль, 2001. С. 305-308.
13. Лосев К.С. Экологические проблемы и устойчивое развитие России в XXI веке. М.: Космоинформ, 2001. 399 с.
14. Хартия Земли. Принципы. М.: Локус станда, 2003. 14 с.
15. Урсул А.Д. Путь в ноосферу. Концепция выживания и устойчивого развития цивилизации. М.: Луч, 1993. 278 с.
16. Романович А.Л., Урсул А.Д. Устойчивое будущее (глобализация, безопасность, ноосферогенез). М.: Жизнь, 2006. 512 с.